

Глава 8. Новогодний подарок

***

Цзи Сюэинь явно знала, что я приду, и к моему появлению успела принять позу праведного негодования. Стоило мне переступить порог, как она, уперев руки в бока, обрушилась на меня с вопросом:

— Брат, ты совсем дурак? Как ты можешь дружить с этим «пластическим красавчиком»? Он же гнилой человек, честное слово.

Я лишь улыбнулся и протянул ей коробку с пирожными. Малышка Сяо Инь на мгновение замялась, капризно выпятив губу, но голод взял верх над принципами. Она выхватила сладости и принялась за еду. Дождавшись, когда она наполовину насытится, я неспешно заговорил:

— Слушай, а если бы кто-то захотел ударить тебя шилом в руку, что бы ты сделала?

Сюэинь в замешательстве посмотрела на меня. На её губах остались крошки, и в этот момент она выглядела донельзя милой.

— Я бы... — она воинственно нахмурилась. — Если бы он посмел меня тронуть! Хм! Я бы отобрала это шило и сожгла его к чертям, чтобы и пепла не осталось!

Я рассмеялся, достал салфетку и вытер ей рот. Затем заговорщицки подмигнул:

— Глупышка. Разводить костры противозаконно, да и самой обжечься можно. На твоём месте я бы просто спрятал это шило в коробку. И хлопот меньше, и безопасно.

Сюэинь замерла, она лихорадочно забегала глазами, обдумывая аналогию.

На самом деле я мог бы выложить ей всё как есть, но это разрушило бы мой образ «сильного брата» в её воображении. Напротив, я намеренно окутал свои мотивы дымкой таинственности, оставляя место для догадок. Когда человек понимает лишь семь-восемь частей из десяти, он проникается к тебе гораздо большим уважением.

— Ха! Я поняла! Брат, ну ты и хитёр!

Сестрёнка просияла от неподдельного восторга. Она запрыгнула мне на спину и радостно завизжала:

— Значит, теперь Гао Нин — твой подпевала и должен во всём тебя слушаться, так?!

Я лишь горько усмехнулся про себя.

Несмотря на то, что я из кожи вон лез, стараясь быть тише воды и ниже травы (до такой степени, что люди порой путали мой пол), в её глазах я оставался всё тем же «авторитетом», за которым по первому зову пойдут толпы. Неужели ей так трудно поверить, что я могу просто дружить с кем-то на равных? Как будто это происходит где-нибудь на Марсе, а не здесь.

Впрочем, объяснять что-то ребёнку с настолько бурной фантазией было бесполезно. Главное, что она перестала совать нос в круг моего общения. К тому же, став новоявленной «королевой школы», она была слишком занята собственной популярностью, чтобы донимать Гао Нина.

Раньше мы с сестрой всегда ездили в школу и обратно на велосипедах. Но становилось всё холоднее, а Юй Цзинъян божился, что его семейное авто в полном нашем распоряжении. Тщательно взвесив мои доводы, Сюэинь наконец сменила гнев на милость и согласилась.

Правда, она заставила этого бедолагу написать расписку. И хотя я сильно сомневался в юридической силе такого документа, раз уж вопрос был улажен, возражать не стал.

Текст «гарантийного письма» гласил:

«Юй Цзинъян от чистого сердца приглашает одноклассницу Цзи Сюэинь ездить в школу на его машине вплоть до самого выпуска. Юй Цзинъян обязуется не нарушать данное обещание, если только сама Цзи Сюэинь не захочет отказаться. В случае нарушения Юй Цзинъян обязан публично извиниться перед Цзи Сюэинь на общешкольной линейке в понедельник. А если не извинится — значит, он распоследний пёс!!! И тогда Цзи Сюэинь имеет право вывесить эту бумажку на доску объявлений. Гарант: Юй Цзинъян. Дата: XX число, XX месяц, XX год».

— Ну как? Хи-хи, брат, скажи же, я крутая?

Сюэинь была в полнейшем восторге от этой клятвы, составленной ею и записанной рукой Юй Цзинъяна. И хотя я отреагировал довольно сдержанно, её радость было не унять.

Перед Новым годом ударили морозы. Сюэинь, помешанная на красоте, отказывалась кутаться: даже если в школе требовали носить форму, она умудрялась поддевать вниз изящные тонкие кофточки и при любом удобном случае скидывала куртку, чтобы покрасоваться. Мама Цзи места себе не находила, боясь, что дочь простудится. Так что машина под боком оказалась как нельзя кстати — по крайней мере, сестрёнка меньше рисковала здоровьем ради моды.

Конец семестра приближался, а с ним и праздники. Все классы готовились к огонькам, поэтому наша компания редко собиралась в полном составе — разве что за обедом.

Гао Нин был занят по горло. Благодаря своему рвению он выхлопотал себе место заместителя старосты в четвёртом классе. Но я-то знал: его гордость не удовлетворится малым, он метит в

лидеры.

Вэй Ицзунь в этом плане был куда проще. Он обожал спорт, отлично учился и пользовался в классе огромным авторитетом. И хотя он наотрез отказался бороться за звание «первого красавца» или становиться старостой, от должности спортивного комиссара ему отбиться не удалось. Дел у него было невпроворот.

Зато я, верный своему принципу «золотой середины», наслаждался покоем. На первых же экзаменах я занял девятнадцатое место в классе — типичный середнячок. Вёл себя послушно, а после того нелепого случая, когда меня приняли за девчонку, стал чаще играть с парнями в футбол. Я не пропускал ни одного мероприятия и никогда не отказывал одноклассникам в мелких просьбах. В общем, стал идеальным представителем «серой массы».

В последние дни атмосфера в школе накалилась. Вокруг меня так и вились парни, пытавшиеся через брата передать Сюэинь новогодние подарки. То, что её подвозил Юй Цзинъян, для многих ничего не значило — дети детьми, а сплетен и теорий в школе хватало.

Статус «королевы школы» давал Сюэинь массу негласных привилегий. Она могла не участвовать в пятничных уборках, занимала лучшие места на праздниках и всегда представляла класс при получении наград. Любой триумф неизменно становился её триумфом.

Смелые дарили подарки Сюэинь лично, трусливые же искали обходные пути. И если одни просили подружек, то другие видели во мне идеальный канал связи. Отказать им было выше моих сил.

Не знаю, может, я стал слишком чувствительным, но мне показалось, что Вэй Ицзунь в последнее время ходит сам не свой. Обычно он весёлый и открытый, как ребёнок, а тут вдруг начал дуться. Из-за всеобщей суеты мы стали видеться реже, и это явно выбивало его из колеи.

— Эй, посмотри на меня!

После уроков, зная, что у них заседание комитета, я нарочно подкараулил его в коридоре. Дождавшись, пока его одноклассники скроются из виду, я придержал его за плечо.

Вэй Ицзунь надул щёки, его густые ресницы прикрывали взгляд. Он явно обижался на меня, но за что?

— Ну, скажешь что-нибудь? Что случилось?

Я слегка пихнул его ногой, и только тогда он, закатив глаза, вытащил из рюкзака конверт. Сунул его мне в руки и уставился в упор. Я в недоумении вскрыл письмо — любовное послание от какой-то девчонки, имя которой мне ничего не говорило. Видимо, попросили передать.

И всё? Из-за этого он так кипятился? В этом весь Чжуанчжуан — обижается по пустякам.

Я рассмеялся и достал из своего рюкзака целую пачку открыток и конвертов. Протянул их ему и небрежно заметил:

— А это всё тебе. Популярный ты парень, оказывается!

Вэй Ицзунь мгновенно вспыхнул до корней волос. Приняв подарки, он украдкой взглянул на моё спокойное лицо и, кажется, совсем смутился.

— Слушай, та девчонка, что письмо написала... она корова страшная! — прошептал он, кивнув на конверт в моих руках. Он предупреждал меня с таким видом, будто всерьёз опасался, что я поддамся искушению и сверну на кривую дорожку.

Я вернул ему конверт, закинул руку ему на плечо и, пока мы шли к выходу, поддразнил:

— Раз так, зачем тогда мне даёшь? Приноси, когда стоящий вариант подберут, идёт?

Вэй Ицзунь резко остановился и сбросил мою руку. Он с тревогой посмотрел на меня:

— Ты что, правда хочешь завести девушку? И кто тебе нравится?

Глядя на его физиономию «врагу не сдаётся наш гордый Варяг», я едва сдержал хохот. Он же мне не отец, чего так паниковать? Но я знал его прямолинейный характер: с Ицзунем нельзя шутить на серьёзные темы, он всё принимает за чистую монету.

— Не хочу я никого заводить.

Стоило мне это произнести, как он тут же просиял. Он снова обхватил меня за плечи и радостно выпалил:

— Вот и отлично! Я тоже не хочу. Нам и вдвоём неплохо.

Детские слова, сказанные ребёнком ребёнку. И неважно, было ли это всерьёз или просто к слову — в тот момент это прозвучало удивительно искренне. Нам было всего по тринадцать, мы жили в мире простых истин и упрямых привязанностей. Гао Нин тоже был нашим другом, но я знал: в сердце Вэй Ицзуна самым близким человеком для него был я. И это было взаимно.